

I

СВИСТОК, ВОСХВАЛЯЕМЫЙ СВОИМИ РЫЦАРЯМИ

(Подражание, как легко заметят читатели)

«Свисток» теперь наверху своей славы, в апогее своего величия; положение, какое он завоевал себе в ряду великих журналов, можно сравнить только разве с положением, завоеванным Италией в ряду великих держав. Правда, официально признан он до сих пор только «Русским словом» и «Временем»¹; но ведь и Итальянское королевство было признано сначала только тунисским беем и португальским королем... а потом и пошло — до того, что сама Франция признала его, хотя и не может никак вывести полки свои из Рима. Так будет и со «Свистком»: пройдут тяжкие времена литературных смут, рассеются туманы недоумений и сам «Русский вестник» признает «Свисток», хотя уже и не в состоянии будет никакими кислотами вывести из своего «Литературного обозрения» — ни статей г. Юркевича, ни рассуждений о том, что такое свистуны².

Но и непризнанный *de jure*^{*}, «Свисток» уже признан своими собратьями *de facto*^{**}: а это гораздо важнее. Нет теперь в необъятной России ни одного порядочного органа благородной мысли, ни одного проводника высоких убеждений, стремящегося к благотворным целям, ни одного глашатая правды и чести, который бы мысленно не обращался ежеминутно к «Свистку», печатно не говорил ежемесячно о «Свистке» и не старался походить на него, если не всецело, то хотя некоторыми частями своего

---

^{*} формально (лат.). — *Ред.*

^{**} на деле (лат.). — *Ред.*

существа. Нет ни одного сурового ученого, ни одного служителя чистой науки, у которого в ушах не раздавался бы беспрестанно «Свисток» (особенно если он живет недалеко от вокзала железной дороги).

И как быстро приобретен его успех! Вы помните начало «Свистка»: он родился в счастливую минуту — в ту самую, когда подымалась война за независимость Италии. Но, можно сказать не хвалясь, что как ни изумительны

224

прогрессы Италии в ее деле, а «Свисток» превзошел ее. Вспомните, как он был встречен, какими препятствиями окружен, как был беспомощен в начале своей жизни! Он был, правда, принят под покровительство «Современника», но общественное положение этого журнала, надо признаться, чрезвычайно шатко: он не имеет и даже не может приобрести ни малейшего авторитета. Он бы и рад, он и усиливается, да не выходит ничего... Как, например, он убивался, чтобы пойти «честным путем изучения и разработки материалов»³, чтобы попасть в ученую колею... Нет, что ни начнет, а под конец никак не может! Непременно скандал выйдет... И даже без всякого с его стороны желания — а так уж, судьба его такая... Начал он, напр., 1860-й год специальнейшею из специальностей, рассуждением о первых русских князьях; кажется, чего бы лучше? В «Отечественных записках» это было бы капитальнейшее произведение русской литературы; а в «Современнике» вышла свистопляска... Далее продолжал он свое поприще — напечатал статью о наследстве по закону — весьма ученое и титулованное сочинение; радовался было, что хоть тут солидность свою

оградил, — в следующем году г. Лохвицкий внезапно доказал всем, что и тут была только свистопляска⁴. Пустил было «Современник», собственно для придания себе более ученого вида, статьи «Об антропологическом принципе философии»⁵. Уж одно заглавие, кажется, чего стоит! В «Отечественных записках», например, какая-нибудь статейка «Нечто об естественном сомнамбулизме и гипнотизме»⁶ — повергает читателей в прах перед ученостью редакции... В «Современнике» даже искусно подобранное заглавие не помогает: не далее, как летом в следующем году оказалось, что и в этих статьях «Современник» не только на путь науки не вступил, но еще невежество распространял в русской публике, что даже вовсе и несовременно, по мнению русских журналов... И ведь — что всего печальнее — истинные-то, так сказать, прирожденные свойства статей «Современника» раскрываются обыкновенно по прошествии долгого времени, через год, через полтора, так что журнал этот решительно не знает, чего ему ожидать на следующий год. «Русский вестник», например, поместив несколько статей о древневавилонской письменности и через два месяца не встретив на них возражений в журнале, издаваемом парижскою «академиею надписей», успокоивается и может обратиться ну хоть к печатанию «Майора» г. Кулиша⁷: и опять уверен, что уж разбора этой повести не появится через год. «Современник» не в таком положении, он должен ежемесячно содрогаться не только за свое настоящее, но и за прошедшее... Года три тому назад, например, одна из книжек «Современника» украшена была исследованием г. Пекарского о Кондратовиче⁸; по-видимому, исследование дельное, безупречное, за ним можно стоять, как за каменной горой... А кто знает — вдруг выходят новые книжки журналов, и в них восторженное известие, что в стерлитамакском уездном

училище сделаны драгоценнейшие исследования, несомненно убеждающие, что в статье «Современника» о Кондратовиче ничего нет, кроме невежества и свистунства. И затем «драгоценнейшие исследования» будут перепечатаны во всех журналах, и автор их возведется в звание академика — все для вящего посрамления «Современника»...

С таким-то журналом должен был связать судьбу свою «Свисток» в начале своей земной жизни. Очевидно это было для него плохое прикрытие. Но

225

вообразите, даже и «Современник», при всем том, что был уж достаточно ославлен за свое легкомыслие, — и он подвергся на первое время жестоким упрекам за дружбу с «Свистком»: до того «Свисток» казался презренным, неприличным, недостойным высокого призвания отечественной журналистики. До «Свистка» «Современник» еще кое-как терпели, при появлении «Свистка» немедленно крикнули, сначала из Москвы:

Вы приличья презираете,
Вы родились с медным лбом:
В русской публике гуляете
Вы под ручку со «Свистком»;
В дни прогресса несказанного,
В дни возвышенных надежд,
Звуком свиста балаганного
Потешаете невежд!
Заблуждения прощаются,
Но из меры вышли вы:
Вас с презреньем отрицаются

Все ученые Москвы.

Петербург, конечно, не отстал от Москвы, только он выразил свое негодование в тонкой и изящной эпиграмме:

У Гоголя кварталный Свистунов⁹
Всем любит фонарей наставить под глазами,
А современная ватага свистунов
Мнит просвещения фонарь задуть свистками.

Может быть, мы и не совсем точно приводим эпиграмму, но что-то в таком роде несомненно существовало насчет «Свистка».

Мы бы не кончили, если бы захотели перебирать все отчаянные возгласы журналистов относительно неприличия журналу иметь балаганный отдел. «Revue des deux Mondes» не имеет балаганного отдела — справедливо утверждали просвещенные журналисты, «Westminster Review» не имеет балаганного отдела, продолжали они, доказывая свое знание европейских литератур; что сказали бы в Германии, если бы «Vierteljahrliche Schrift» вздумало завести у себя балаганный отдел, — настаивали они еще, показывая, что и по-немецки знают; какое бы впечатление выразилось в Испании, если бы «La Epoca» завела у себя балаганный отдел, — приставали они снова, давая заметить, что они — лингвисты; в какое бы состояние пришла возрождающаяся Италия, если бы «Rivista Contemporanea» позволила себе завести балаганный отдел, — неумолимо выкрикивали они, утверждая читателя в мысли, что, кроме знания языков, им не чужды и политические соображения...¹⁰

«Современник», великодушный, многотерпеливый «Современник»! Сколько вынес он нареканий, какому подвергался позору из-за «Свистка»! Он усиливался

попасть в круг людей порядочных, печатал дельные статьи¹¹ гг. Безобразова, Пекарского, Пейзена, Пыпина, Кавелина, Костомарова, печатал отрывки из романа г. Гончарова, а его все-таки звали свистуном... Всеобщее презрение, возбужденное свистком, было так велико, что в обеих столицах нашлись Катоны, которые решились высказать свое негодование на него по *всякому* случаю — по поводу ли картины Иванова или обществ трезвости, смерти Маколея¹² или освобождения крестьян...

Так шло два года, «Свисток» пришел в уныние и перестал являться, чтобы не компрометировать «Современника»; «Современник» обратился к Китаю¹³ и в каждой книжке уделял несколько десятков страниц на изображение китайской жизни, которая прежде являлась в нем только в литературных

226

снах Нового поэта на Новый год... По-видимому, враги торжествовали, пользуясь чувствительностью «Свистка», который решился на самопожертвование жалости к страдавшему за него «Современнику».

Но на деле готовилось «Свистку» полное торжество и, главное, решительное оправдание пред великодушным покровителем. Теперь он смело может смотреть в глаза «Современнику» и даже ожидать от него благодарности, а не укоров. Произошло вот что.

В 1861 году водворился новый «Век» в русской литературе¹⁴. О наступлении его возвещено было задолго до нового года; появление его было приветствовано громким рукоплесканиями. Все стремились к этому журналу, в котором обещалось верное и нелицеприятное служение науке и полное уважение к высоким принципам

современной цивилизации. Все журналы почтительно обратили свои взоры на нового собрата, в редакции которого участвовали такие лица, как К. Д. Кавелин, А. В. Дружинин, В. П. Безобразов и П. И. Вейнберг. После выхода первого номера написано было даже восторженное стихотворение, неизвестно почему не появлявшееся в печати:

НОВЫЙ ВЕК

**Зреет все, что было зелено,
Правде зиждется престол:
«Век» Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришел.**

**«Век» Пожарского и Минина,
Дружбу князя с мясником,
«Век» Кавелина, Дружинина
Возвратил нам целиком.**

**В «Веке» Вейнберга, Кавелина
Будет всюду тишь да гладь,
Ибо в нем для счастья велено
Всем законы изучать.**

**«Век» счастливый Безобразова
Бедняка обогатит,
Зрячим сделает безглазого
И банкриту даст кредит...**

**Будет зрело все, что зелено,
И свершится человек...
«Век» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова Век!..**

Почему *Чернокнижникова Век*? Не клевета ли это? Как же журнал, посвящающий себя служению общественной мысли, может допустить до себя мысль о Чернокнижникове?»

Вот то-то и есть, что не мысль, а самого Чернокнижникова, так хорошо рассказывавшего о масляничных балаганах, допустил к себе «Век». В первом номере его напечатано было письмо Чернокнижникова, обещавшее ряд их, — и всей Европе, через посредство корреспондента «Nord'a» возведено: «le brillant feuilletoniste» будет постоянно украшать «Век» своим остроумием. Европа не выразила своего изумления, надо полагать, собственно, потому, что не знала, какого сорта *блеском* отличаются фельетоны Чернокнижникова. Но мы думали: зачем же так поруган «Современник» за дружество со «Свистком»? Отчего же «Веку» позволено заниматься чернокнижием, а «Современнику» нет¹⁵.

Но вообразите себе наше удивление при получении первых номеров всех этих журналов! В конце 1860 года «Современник» не выдержал и опять-таки пустил к себе «Свисток»; в первой книжке следующего года тоже готов был «Свисток». Это, конечно, при великодушии и гуманности «Современника»

относительно меньшей братии, и не было особенно удивительно. В других же журналах мы ожидали по-прежнему жесточайших укоров, высказанных с благородным негодованием и с указанием на «Revue des deux Mondes». И вместе того — что же? — во всех, во всех журналах заведен свисток!.. Во всех журналах балаганный

отдел! Смотрим, читаем, сомневаемся, так ли это?.. Да ни малейшего сомнения: все журналы, не исключая и тех, которые наиболее стараются походить на «Revue des deux Mondes»¹⁶, признали необходимым открыть балаганные отделы, отделы со свистом и пляскою!..

В «Отечественных записках» сверх обычного отдела «Современной хроники» оказались «Записки Праздношатающегося»¹⁷. «Отечественные записки»! Помните ли вы, что в «Revue des deux Mondes» нет «Записок Праздношатающегося» и что балаганные отделы в журналах недостойны литературы, сколько-нибудь уважающей себя?

В «Русском слове», вместо солидной хроники общественной жизни, явились «Заметки темного человека»¹⁸. «Русское слово»! Что, если бы «Заметки темного человека» явились в Геттингене? Какое впечатление произвели бы они на тамошнюю публику?

«Библиотека для чтения» пустилась печатать «Воззрения, чувства и наблюдения статского советника Салатушки»¹⁹, под видом постоянного фельетона. «Библиотека для чтения»! Можно ли унижать себя до смехотворных воззрений статского советника Салатушки, когда вокруг раздается столько симпатических голосов людей, честно служащих высокому делу гражданского преуспеяния, и когда в самом вертограде нашей словесности распускаются цветки, достойные заботливого и искусного ухода? Вспомни, «Библиотека», что кто решается осмеивать, кто с балаганным индифферентизмом отзывается об искусстве, о Рашели и Ристори²⁰, тот не имеет сердца. Неужели ты не имеешь сердца?²¹

«Время», журнал новый, долженствовавший быть если не робким, то по крайней мере осмотрительным, — и «Время» не побоялось дебютировать фельетоном: «Записками ненужного человека».²² О Время! о нравы!²³

воскликнули мы от глубины души... Но всего больше поразил нас «Русский вестник»: от него уж мы никак не ожидали, чтобы он завел у себя балаганный отдел, которого нет в «Revue des deux Mondes» А завел! и еще как завел: предварительно возвестил об этом, а потом и открыл «Литературное обозрение и заметки», в которых стал даже остроумные заглавия приискивать: «Старые боги и новые боги», «Наш язык, и что такое свистуны», «Одного поля ягоды»...²⁴ А помните, как, бывало, даже самые ядовитые статьи свои, как, например, против князя Черкасского²⁵ и пр., он пускал под величаво–скромным заглавием: «Заметка». Где те времена?.. О, «Русский вестник», «Русский вестник»! Куда увлекло тебя подражание? И кому же? «Современнику» — «Свистку»!.. Не было ли пред тобою образца в почтенных, истинно достойных подражания «Revue des deux Mondes», «Westminster Review» и т. п.? Имеют ли балаганные отделы эти почтенные журналы, некогда поставлявшиеся в пример «Современнику»? Занимаются ли они журнальными сплетнями, пишут ли ежемесячно длинные статьи о свисте? Нет, «Русский вестник», если они и займутся свистом, то разве в ученой статье: «О свисте в техническо–музыкальном

228

отношении», то есть в такой статье, которая не уронит их ученого достоинства.

О «Атеней!» Зачем ты рано умер: А то и ты мог бы теперь завести у себя балаганный отдел, который, может быть, спас бы тебя от смерти.

Всеобщее сознание, заявленное всеми журналами, в необходимости «Свистка» ободрило нас и мы немедленно

хотели выписать его из-за границы, обещая ему, что житье нашему брату в России теперь гораздо лучше заграничного: свищи, сколько душе угодно, — отголоски встретишь повсюду. Но «Свистком» на тот раз овладело разочарование и он не поверил возможности превращения, о котором мы ему писали... Мы принуждены были остаться в наблюдательном положении и долго оставались в этом положении. Наклонность к свисту всех журналов, даже и солиднейших между ними, самая непритворная и искренняя, с каждым днем обнаруживалась все более и более. Балаганные отделы становились все обширнее и обширнее, свист с каждым днем делался все резче и пронзительнее. Наконец по поводу появления летом прошедшего года «Полемиических красот» в «Современнике» некоторые журналы, забыв и ученые цели, которым постоянно служат, и многолетние ученые привычки, обратили положительно все свои отделы в балаганные²⁶. Вообще же свист сделался столь пронзительным и резким, что стал похож на визжание, раздавался непрерывно, неумолчно во всех журналах, газетах, газетках, так что в нескончаемости его в отечественной литературе не могло оставаться более никакого сомнения. Тогда мы немедленно телеграфировали «Свистку» за границу, чтобы он, не тревожась более никакими сомнениями, поспешил приездом в отечество. Осенью прошедшего года «Свисток» прибыл в Россию²⁷, все еще полный недоверия в общее сочувствие к нему отечественной литературы. Но едва он успел пересмотреть несколько книжек летних журналов, как ясно понял не только неосновательность своих сомнений, но и то, как много потерял он во время долгого пребывания своего за границей... Оказалось, что вечно ясное небо Италии, благодатная южная природа, античные памятники классической древности подействовали самым

вредным образом на способности к свисту... Свист потерял резкость, пронзительность, жесткость — обычные свойства свои на севере, сделался мягким, певучим, нежным... одним словом, совершенно негодным для действия в литературе отечественной. «Свисток» сильно этим обеспокоился и употребил все силы, чтобы снова *ожесточить* свой свист, сделать его солидарным свистам российским. Отказавшись от всех удовольствий северной столицы, запершись в кабинете, «Свисток» свистел себе уединенно, стараясь подражать лучшим образцам современного свиста. Статьи «Старые боги и новые боги», «Наш язык и что такое свистуны», «Одного поля ягоды» не сходили у него со стола... Наконец после нескольких месяцев упорного труда свист начал видимо укрепляться. В нем наслышались родные звуки... Но от совершенства он все еще был далеко... А между тем приходило время, когда «Свисток» волей-неволей должен был выступить на общественную арену... Наступало тысячелетие России... Времени оставалось немного... «Свисток» снова заперся в своем кабинете и стал работать с утроенной силою... Наконец наступила и давно ожидаемая всеми великая эпоха в жизни нашего отечества... А «Свисток» все оставался еще не вполне доволен сделанными им успехами...

Долго думал «Свисток», отозваться ли ему — т. е. свистнуть ли по поводу совершившегося тысячелетия России или благоразумно промолчать, точно так, как благоразумно промолчали в свое время и «Санктпетербургские ведомости» и «Северная пчела» о несостоятельности главного общества железных дорог²⁸.

Оказалось, однако ж, что «Свистку» молчать было вовсе невозможно. Все газеты, журналы, ученые, даже Николай Иванович Костомаров, даже календарь²⁹ — заговорили о тысячелетии России. Мог ли «Свисток» ничего не свистнуть о таком великом событии? — Но не одно самолюбие заставило «Свисток» вновь выступить на общественную арену, а, можно сказать, сердечное сочувствие к великой эпохе... Празднуя тысячелетие России, «Свисток» праздновал некоторым образом свое собственное тысячелетие. Нет ведь ни одной прочной славы, которая бы явилась и утвердилась в мире, не быв предварительно никем освистана. Не освищи славяне варягов, они никогда бы не поняли их достоинства и мудрости и никогда не призвали бы их «*володети*» собою. «Свисток» твердо убежден и не может не гордиться, что даже такое могущественное государство, как Русское, своим существованием обязано некоторым образом его несомненному содействию. Только нерасположением к «Свистку» или недальновидностью наших ученых и журналистов может быть объяснено то обстоятельство, что никто из них не упомянул доселе о такой важной заслуге «Свистка».

Скромное сознание этой заслуги было, между прочим, причиною, что «Свисток» и после того, как решился выступить перед публикой, долго колебался: каким свистом выразить ему свои задушевные думы о тысячелетии России? Держаться ли ему стиля *серьезно-возвышенного*, каким пишет обыкновенно г. Громека и о полиции, и о неисполнении положений торопецким мировым съездом, и о шарамыжной какой-то воскресной школе, существовавшей в Иркутске назад тому полтора века, — или *бурно-догматического*, которым разят врагов своих «Литературные заметки» и «Элегии» «Русского вестника»,³⁰ или, наконец, *нежно-исторического* и

обличительно–сочувственного, каким говорит обыкновенно публицист «Северной пчелы» о явлениях жизни общественной, в особенности же государственной? «Свисток» сам, по мягкой природе своей, был бы более склонен к свисту в последнем роде. Даже после поездки за границу, после основательного изучения античных памятников классической древности, после долгого наслаждения вечными красотами южной природы, после короткого знакомства с европейской цивилизацией он находил бы такой только свист и единственно приличным в нашем благоустроенном обществе. «Свисток» не решался, однако ж, начать свиста первый; он боялся, чтобы нежным и мягким свистом не унизить важности события и торжества и тем не поставить себя в неприятное положение впоследствии отсвистываться от нападений патриотов; с другой стороны, и свистеть возвышенно было также не безопасно. Начни «Свисток» свист в таком роде, недоброжелатели «Свистка» сейчас бы заговорили, что он поднял свист возвышенный потому только, что сам участвовал в основании государства и хочет воспеть свои собственные заслуги. Такая точно история, как то не безызвестно читателю, случилась назад тому несколько лет с г. Громекою. В бытность свою редактором «Листка» Общества пароходства и торговли он на одном торжественном обеде стилем возвышенным описал многочисленные заслуги

«Листка», не имея при этом, само собою разумеется, вовсе мысли о себе и о своих подвигах, а его заподозрили в самовосхвалении... «Свисток» выжидал, каким стилем заговорят о тысячелетии России авторитеты. Недавно

после одного литературного вечера, на котором Н. И. Костомаров читал о тысячелетии России, стали носиться слухи, что Николай Иванович Костомаров написал свое тысячелетие в стиле яро–возвышенном, что он, можно сказать, гремел о прошедшей славе и подвигах нашего любезного отечества или, выражаясь малороссийски–поэтически,

Как Піюл стогнав и клетотав.

Хотя слава Николая Иваныча Костомарова покоится на незыблемых основаниях, а по норманскому вопросу, как помнят, конечно, читатели, отсвистана даже «Свистком» против нападков недоброжелателей (что может быть прочнее такой славы?); хотя славы этой не могли пошатнуть даже новейшие многочисленные сочинения Н. И. Костомарова о ломке университетов³¹, как ни были они ерундовидны, — однако ж «Свисток», всегда осторожный, не решался по одним слухам идти даже по стопам и такого авторитета, как Н. И. Костомаров. «Свисток» неосновательно полагал, что если Н. И. Костомаров действительно говорил о тысячелетии России и говорил в стиле яростном, то явится тысяча статей о тысячелетии России, и каждая из них будет стараться превзойти своих соперниц яростию неукротимою. Таково было всегда влияние славы авторитета на возбуждение вдохновения, мысли, силы, деятельности в наших любезных соотечественниках. «Свисток» действительно не ошибся. Взглянув недавно в один № «Санктпетербургских ведомостей», он встретил статью под оригинальным заглавием: 862—1862 и прочел такое вступление:

«Тысяча лет России, тысяча лет России! Ударил колокол. Это не погребальный звон умирающему

государству; это набат возрождения славянских племен к новой жизни, канун которой отпразднован был 19 февраля!

Руки ваши, братья!»

По прочтении этих строк «Свисток» вдруг почувствовал себя как-то особенно легко, приятно; с души свалилось точно бремя какое, все сомнения исчезли, явилась внутренняя, ничем не укротимая потребность свистнуть... и свистнулось само собою, невольно... сначала стихами, потом прозой, потом и пошло, и пошло, и пошло...

Характер свиста для тысячелетия России определился сам собою...

«СВИСТОК» AD SE IPSUM*

Свободный, как птица, несвязанный сроком
Журнальной подписки и выхода книжек,
Являюсь я редко, всегда ненароком,
Но яркими буквами след свой я выжег
В сердцах благородных российских сограждан.
Мой свист облегчал их сердечные раны;
Как влага в пустыне, я был ими жаждан,
Когда их томили сухие туманы;
Во мне лишь нашли они ключ разуменья,
Когда возникла российская гласность
И головы мудрых повергла в сомненье, —
И розгу, и взятку не ждет ли опасность;

231

Я был утешеньем, я был им опорой,
Когда население России смущенной

---

* Заглавие заимствовано у Горация³²; означает: «Свисток» к самому себе.

Пугал наш прогресс изумительно–скорый,
Внезапно открытый в Москве умиленной.
Вопрос о евреях, вопрос о норманнах,
Великий вопрос об экзамене строгом,
Шестнадцать гусей неповинно пожранных³³
И опыт пощенья по волжским дорогам,
Короче — на все, что родным публицистам
Тревожило сердце и ум волновало, —
На все отзывался я радостным свистом
И всех утешал я... Но этого мало:
В Европе свершалась великая драма,
И к ней обратил я родное вниманье,
Австрийской поэзией Якова Хама
Сограждан моих просветив пониманье.
Неаполю дал я благие уроки,
На все отозвался — ни слабо, ни резко —
И, всюду собирая прекрасные соки,
Воспев Гарибальди, воспел и Франческо!..³⁴
И ныне явлюсь я к читателю снова;
Хочу наградить я его за терпенье,
Хочу я принести ему свежее слово,
Насколько возможно в моем положеньи...
А впрочем, читатель ко мне благосклонен
И в сердце моем он прекрасно читает:
Он знает, к какому я роду наклонен
И лучше ученых мой свист понимает.
Он знает: плясать бы заставил я дубы,
Совсем изменил бы их нравы и доли,
Когда б на морозе не трескались губы
И свист мой порою не стоил мне боли...